

Пять лет диктатуры пролетариата.

7 ноября 1917—7 ноября 1922 г.

Пятилетие Великой Октябрьской Революции, пятилетие первой в мире советской республики, первое пятилетие диктатуры рабочего класса—это величайший праздник всех трудящихся Р. С. Ф. С. Р., всех революционных рабочих мира. Это мы—русский пролетариат—25 октября (7 ноября) 1917 г. дерзнули и первыми подняли знамя социализма. Это мы—русский пролетариат—в течение истекших пяти лет отбили нападающих на нас со всех сторон наемников и слуг капитала. Это мы—русский пролетариат—создали первое в мире рабочее государство, которое заставляет с ним считаться старый капиталистический мир и служит идеалом для борющегося пролетариата Запада. Это мы—русский пролетариат—в своей стране создали условия первоначального социалистического накопления и организации широких масс пролетариата для социализма. Это мы—русский пролетариат—создали революционную тактику и программу для рабочих всех стран и положили начало мировому союзу пролетариата в Коммунистическом Интернационале.

Но русский пролетариат в истекших пяти лет пришлось вынести невероятные трудности, исключительные жертвы на полях гражданской войны, голод, холод, гололе, опустошение и жестокие виды, кроме того, непрерывная травля всеми социальными силами всего мира, всеми меньшевиками, эс-эрами и т. д. и т. д.

Мартовы, Черновы, Буряевы и Савинковы и другие назначали сроки падения советской власти через 10 дней, 2 недели, 3 месяца. Десятки и еще десятки раз эти сроки повторялись. Но истек последний срок и новый уже не назначен. Ибо нет уже такого дурака, который поверил бы этим пророкам от контр-революции. Перед всеми стоит тот факт, что советская республика продержалась пять лет, т. е. *двести шестьдесят недель*, т. е. *одна тысяча восемьсот двадцать шесть дней*, т. е. $25\frac{1}{2}$ раз дольше, чем Парижская Коммуна, приведшая в течение 72 дней в ужас всю капиталистическую Францию.

Но русский революционный пролетариат обвиняют в том, что он достиг власти путем заговора и авантюры, что он в октябре 1917 года был в меньшинстве. Заговор составляется тайно, заговор дело кучки людей, заговор осуществляет свои цели штыком против воли масс. Но русские большевики в течение всех восьми месяцев буржуазной революции твердили, что власть должна перейти в руки советов, они про это писали в газетах: они это говорили со всех свободных трибун февральской России; в их целях и намерениях не было никакой тайны, ибо они были партией рабочих и крестьянских масс. Да, они взяли власть вооруженным восстанием; да, они не дождались, когда будут иметь 51 проц. парламентским путем. Они это признают, ибо знают что все «демократические фокусы» служат только буржуазии. Революционный пролетариат всегда был за вооруженное восстание. Воору

женное восстание пропагандировали в свое время и Плеханов и Каутский. И большевики это делали всегда и делают и теперь во всех буржуазных странах. Но перед Октябрем был момент, когда они полагали, что возможно взять власть без восстания. В начале октября 1917 года т. Вл. И. Ленин пишет: «Если нельзя взять власти без восстания, надо идти на восстание тотчас. Очень возможно, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский Совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с Питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и оно сдастся». Но и этот момент был упущен. Восстание нужно было не потому, что пролетариат слишком рано хотел взять власть, а потому, что он запоздал, что он дал возможность буржуазии сорганизоваться. — Что у большевиков в октябре не было парламентского большинства—это факт, но что у них было большинство в массах,—это также факт. Но, по мнению т. Ленина, пролетариат при господстве буржуазии и не может получить большинства парламентским путем, ибо в руках буржуазии есть многочисленные способы влиять на пролетариат. Если бы большевики ждали до тех пор, пока получать 51 проц.—они были бы разбиты. Но они такими дураками не были, а потому победили. Они взяли власть без голосования на съезде Советов. Ленин по этому поводу писал: «Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас. Они не играют и всемирную революцию, и русскую революцию, и жизнь сотен тысяч людей на войне. Медлить преступление. Ждать съезда Советов—это игра в формальность, позорная игра в формальность, парадоксальное отношение к революции». Да, власть была взята без формального голосования, но и этот съезд Советов, откликнувшийся 25 октября и все последующие съезды, это взяли своим голосованием подтвердили.

Можно ли было 25 октября не встать, можно ли было не идти к социализму?—На этот вопрос Ленин в своей статье «Грозная катастрофа и как с ней бороться». Империалистическая война есть канун социалистической революции, говорит Ленин, и это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создает социализма, если он не созрел экономически.—а потому, что государственно-политический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*. И в другом месте той же статьи он говорит: «Попробуйте-ка поставить вместо юнкерско-капиталистического, вместо помещичье-капиталистического государства, государство *революционно-демократическое*, т. е. революционно разрушающее всякие привилегии, не боящееся революционно осуществить самый полный демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно-революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг к социализму». Ибо если крупнейшее капиталистическое предприятие становится монополией, значит, оно обслуживает весь народ. Если оно стало государственной монополией, значит государство (т. е. вооруженная организация населения, рабочих и крестьян, в первую голову, при условии *революционного демократизма*)—государство направляет предприятие в чьих интересах?

— Либо в интересах помещиков и капиталистов; тогда мы получаем не революционно-демократическое, а реакционно-бюрократическое государство, империалистическую республику;—либо в интересах революционной демократии:—*тогда это и есть шаг к социализму*.

Ибо социализм не есть что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть госу-

дарственно-капиталистическая монополия, *обращенная в пользу всего народа* и постольку переставшая быть капиталистической монополией.

И вывод ясен для всякого—в России 1917 года нельзя было идти вперед, не идя к социализму. Если бы большевики не захватили бы власти, если бы не был сделан шаг в сторону социализма, то неминуемо России пришлось бы вернуться вспять—к помещичье-капиталистическому государству. К этому есть превосходные примеры. Германия, после ноябрьской революции, была объявлена *социалистической республикой*, но ее руководители не пожелали сделать решительного шага в сторону социализма,—и теперь социал-демократ Эберт является президентом бюрократически-капиталистической Германии. Польское правительство времен Морачевского также *называлось* рабоче-крестьянским, но оно не осмеливалось пойти к социализму и пошло—к реакции.

Весь ход международного движения за эти пять лет в сотни раз доказал, что тот путь, который был избран российским пролетариатом—единственный приемлемый для классово-сознательных рабочих и революционных крестьян.

Русский пролетариат не мог в октябре 1917 года представить трудностей гражданской войны, которые ему предстояли. Но в тяжелой и кровавой войне он оказался победителем. Социалистическое государство завоевало право существовать рядом с капиталистическими государствами, также как после революционных войн в 1793 году великая буржуазная Франция завоевала право существовать рядом с феодально-монархическими государствами. А существование социалистического государства рядом с капиталистическими государствами будет толкать пролетариат и свергнуть капитализма, следовательно русскому примеру. Советская Россия не только завоевала себе право на существование, она завоевала право требовать, чтобы капиталистический мир с нею считался, чтобы международные вопросы решались при участии советского правительства, чтобы государство пролетарской диктатуры могло отстаивать интересы рабочего класса там, где до сих пор только хищники делили свою добычу. Участие советских представителей в Варшавской и Гаагской конференциях—факты большой важности. На них мы увидели как глубоко уже разложился капиталистический мир. На них мы черпали новую уверенность для предстоящей тяжелой борьбы. И теперь—даже французские биржевики и английские либералы не осмеляются оспаривать прав Р.С.Ф.С.Р. сказать свое слово в Дарданельском вопросе.

Но нам заявят, это политика Российского государства,—какое это имеет отношение к развитию революции и к социализму? И тут не нужно забывать, что это есть политика первого рабочего государства, что всякий успех Р.С.Ф.С.Р. сразу отражается на построениях и боеготовности всего мирового пролетариата, что каждый успех Р.С.Ф.С.Р. есть успех мирового пролетариата.

Тов. Ленин еще в августе—сентябре 1917 года наметил экономическую программу советской власти в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Эта программа заключалась в национализации банков и синдикатов, в отмене коммерческой тайны, в установлении рабочего контроля над национализированными капиталистическими предприятиями. Но советская власть вскоре должна была далеко выйти за эти пределы. Контр-революционные выступления буржуазии заставили правительство пойти по пути национализации всей промышленности, чтобы лишить ее материальной основы. Экономическая политика вышла далеко вперед из первоначально намеченных рамок под давлением потребностей войны. Война и распад экономических связей города и деревни заставили власть вступить на путь тяжелой для крестьян политики продовольственной разверстки. Но производительные силы

страны оказались настолько истощенными, что одна крупная промышленность, организованная в руках государства, но лишенная в должной мере средств потребления и сырья, не могла вывести страну из промышленного кризиса. Советское государство должно было дать возможность крестьянскому хозяйству оправиться от тяжелых жертв, понесенных им для войны и революции. С этой целью советское правительство заменило продразверстку продналогом и дало крестьянину возможность свободно, на рынке, реализовать свои излишки. Допущение свободного товарообмена между крестьянином и кустарем в дальнейшем привело к допущению свободной торговли и частной инициативы в целом ряде отраслей производства.

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке